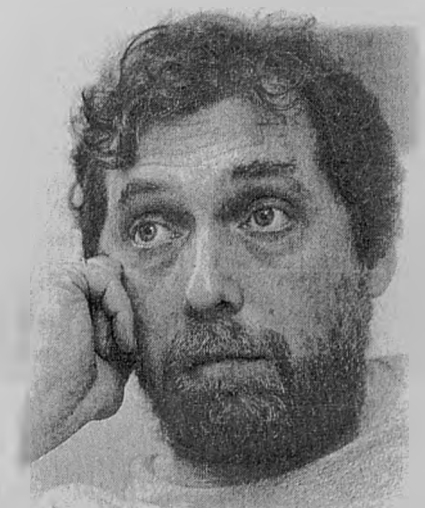

Исполнилось 25 лет со дня смерти Владимира Высоцкого. Все эти годы его жизнь, как и ранний уход из нее, были окружены ореолом тайны и являлись предметом обсуждений и горячих споров... Воспоминаниями о своем легендарном отце делится младший сын Владимира Семеновича — актер, режиссер и продюсер, директор Государственного культурного центра-музея Высоцкого — Никита Высоцкий.

РОССИЯ

Никита Высоцкий

Шансонье всея Руси

Один день из жизни

— Отец разошелся с мамой, когда мне было четыре года. Я оказался в такой же ситуации, когда моему старшему сыну Семену было около шести лет. Периодически с ним встречаюсь, что-то дарю, поздравляю с праздниками... Так же вел себя по отношению к нам отец. Я его по-детски любил. Когда стал взрослеть, мы сделались намного ближе. Но понимать его я начал только после смерти. Будь он сейчас жив, я бы за ним как хвост ходил. Высоцкий был необычным человеком, а вот отцом — абсолютно нормальным. Когда был чем-то недоволен, мог «наехать» запросто. Но нотаций не читал. Порой он хотел вклиниться в нашу жизнь, а мы сопротивлялись. Были моменты охлаждения, редких встреч, а были и такие, которые приятно вспоминать...

Я ведь часто обижался на него, что он мало внимания нам уделяет. Однажды упрекнул: «До тебя не дозволишь». Он рассердился: «Ах, так? Приезжай завтра в 8 утра. Понаблюдаешь мой день». Я приехал, а отец уже бредет. Мы помчались по его делам. День был сумасшедший! Я тогда впервые увидел, что рубли можно менять на какую-то валюту. Напротив Курского вокзала был закрытый банк, вот там отец поменял деньги. Мы были в театре на дневном прогоне «Тартюфа», на его дневном и вечернем концертах. В перерывах между этим по делам заезжали на записывающую фирму «Мелодия» и в автосервис. Безумие и вечное ускорение! Когда вернулись на Грузинскую, он, моя голова перед ночными съемками «Дон Гуана», спросил: «Поедешь на ночную съемку?» «Нет!» — завопил я. И тогда понял весь ритм его жизни и почему он не успевает с нами общаться.

В авангарде

— То, что я был сыном легендарного человека, мне, конечно, помогло. Фамилия бежала вперед меня как авангард. В армии я еще на плацу стоял, меня только на грузовике привезли, а уже собралась компания офицеров, которые искали, где здесь сын Высоцкого. А в чем-то мне было сложнее, поскольку я всегда на виду. Другой провалится в роли, и этого никто не заметит, а если я... Но это — моя фамилия. Я живу с ней и даже горжусь.

Отец сыграл большую роль в моем становлении. После его смерти не было дня, чтобы я о нем не думал, не вспоминал. Да и не дают забыть. Безусловно, от отца мне что-то досталось, но, как любой человек, я сам по себе микросмос... То, что я сын Высоцкого, — это, надеюсь, все-таки не основная шкала, по которой меня можно судить.

Все будет хорошо!

— Его ранний уход был неожиданным для всех. Смерть Высоцкого поразила даже самых близких людей. Папа был очень сильным человеком, и мы надеялись, что он и на этот раз выкарабкается.

В последний раз я видел отца уже в двадцатых числах. Это было у него дома, на Грузинской. Вместе с ним и бабушкой мы смотрели по телевизору открытие Олимпиады. Он сидел мрачный — ноль эмоций и реакций. Нина Максимовна, его мама, пыталась его расшевелить. А в телевизоре негры пляшут, веселый телек, «калинка-малинка»... Бабушка стала пританцовывать. Он увидел: «Ой, мамочка!» Захлопал в ладоши, засмеялся... И опять замкнулся. Его тогда уже «накрывало». В этот день папа ушел к одному из своих товарищей. Он остановился у двери и обернулся — бледный, больной. Как я не понял, что это конец?! Но этот его взгляд последний помню, он мне снится потом. Потому что больше живым я отца не видел.

Есть много чих-то воспоминаний и рассуждений о последнем годе его жизни. Он был действительно тяжелым. Все сошлось: кризис личный и

Пицунда. 1973 г.

творческий. Отец хотел уйти из театра, снимать что-то свое. Но я помню этот год разным. И нельзя сказать, что все было совсем беспросветным. Отец строил планы и умирать не собирался. Он хотел успеть свозить меня за границу, так как мне еще не исполнилось 16. Мы, бывало, весело общались, я выпрашивал у него подарки, джинсы... Мне бабушка рассказывала, что он буквально накануне его смерти, когда она выходила из дома, папа ей сказал: «Мамочка, все будет хорошо...»

Казус Высоцкого

— «Шансонье всея Руси» — так назвал Высоцкого в одном из своих стихотворений Андрей Вознесенский. Отец был невероятно популярен. После концертов люди иногда на руках несли автобус, в котором он сидел. За год до гибели Гагарина был проведен опрос: «С кем бы вы хотели встретить Новый год?» Гагарин и отец поделили симпатии примерно пополам. Потом Гагарин погиб, и отец как-то пошутил, что теперь он самый необходимый за столом... Порой говорят, что Высоцкий ушел вовремя, выполнив свою миссию. Я согласен, что отец выразил время. Но он навсегда вошел в нашу жизнь. И на самом деле Высоцкий — вне времени и вне конъюнктуры, потому что попал в сердце людям. После смерти отца выяснилось, что в миллионах домов было полное собрание его сочинений в виде магнитных лент. Каким образом? Ведь все это было запрещено. Отца нет уже 25 лет, а к нам в Центр приходят его поклонники — порой молодые — и со слезами на глазах говорят о Владимире Семеновиче, его песнях и стихах, которые созвучны нашему сегодняшнему дню. И это уже не популярность, а скорее любовь. Популярность — то, что надо постоянно поддерживать. Концертами, выступлениями, околотеатральной шумихой, скандалами, наконец... Впрочем, скандалы — отдельная тема. Они сопровождали отца всю жизнь, и даже смерть его грозила вылиться в скандал, причем международного уровня. Опасаясь показать иностранцам, приехавшим на московскую Олимпиаду, похороны всенародного любимца, грозившие перерасти в неуправляемую демонстрацию, власти столицы разрешили его похоронить лишь после вмешательства генсека Брежнева... Наверное, есть люди, которые, слушая Высоцкого, думают: «Ну что же он так надрыдается, когда у нас совершенно другие ритмы и идеалы...» А есть и такие, которые будут слушать его и через сто лет...

Друзья и поклонники

— Высоцкий сейчас, как Ленин, с которым уже несколько тысяч человек бревнышко несли на субботнике... И в музее, и у нас дома появляются люди, которые знали отца совсем немного, но считают, что имеют внутреннее право называть себя его друзьями только потому, что он мог оставить им автограф или очень обрадоваться при встрече, даже если это была вторая встреча в их жизни. А есть такие, которые дружбу тридцатилетней давности используют себе во благо — ходят по кабинетам, решают какие-то свои проблемы, привлекая к себе внимание общественности. Но есть люди — их немного, — которые когда-то помогли отцу, были близки с ним, и они молчат. Да и, кроме того, они очень помогают музею.

Человеку свойственно в чем-то хорошем преувеличивать свою роль, а в плохом — преуменьшать. Вокруг отца много неправды, конечно. Но дело еще и в том, что он много общался, и если человек ему нравился, то действительно чувствовал себя его другом. После смерти у Высоцкого оказалось гораздо больше «друзей», чем было при жизни.

«Если все его так любили, чего же он так рано умер?» — сказала Марина Влади. Вопрос не риторический, но, знаете, я убедился на собственном примере, что большое видится на расстоянии. Легко говорить: вот мерзавцы, Пушкина не убергли от дуэли. Не убергли. Хотя среди его друзей были достойнейшие люди. Когда близко общаешься, уверяю вас, можно сказать кое-что обидное про очень многих. Я этого не делаю не потому, что я такой благородный, а потому, что это будет только часть правды. Жизнь полнее и сложнее, люди спорятся, прощают друг друга, сходятся снова...

Книги — как апокриф

— О Владимире Высоцком написано много книг. Но мне бывает крайне редко интересно их читать. Не потому, что я знаю какую-то правду немислимую, а все остальные врут. Очень многие стараются быть искренними. Но спустя столько времени написать о том, что было на самом деле, трудно. Моя мама — Людмила Абрамова, например, считает, что лучшие воспоминания о Владимире Высоцком написал его друг, артист Театра на Таганке Валерий Золотухин. Она имеет в виду конкретную книгу Валерия Сергеевича «Все в жертву памяти

твоей». Ценность ее в том, что это документ. Она написана не для печати. Это гораздо интереснее, чем мемуары людей, которые пишут о Высоцком спустя годы. Иногда откровенно, порой сенсационно — так им кажется. Но, рассказывая сегодня об отце, современные авторы в большей степени говорят все-таки о себе.

Я симпатизирую и Золотухину, и Смехову, у которого тоже есть правдивые воспоминания об отце. Они оба относятся ко мне почти по-родственному. И потом у них, несомненно, есть литературный дар. Ведь порой своими мыслями делятся люди, которые ничего, кроме школьных сочинений, в жизни не писали. Да и те на «двойку». А потом они вдруг садятся за «вот такой толщины» том.

К сожалению, по сей день про отца сочиняют иногда откровенные глупости. Чего стоит одна только книга, вышедшая где-то в Польше. Ее автор заявляет, что Высоцкого убили по приказу КГБ, и приводит какие-то несуществующие документы. Я рад, что эта пошлость не стала популярной. Наверное, потому, что подобных глупостей уже достаточно много.

«Копейка»

— Фильм «Копейка» Ивана Дыховичного не произвел на меня особого впечатления. Дыховичный — человек

очень яркий и современный. И совершенно независимый. Я его уважаю, и у меня с ним нормальные отношения, но Ивану абсолютно не нравится, что я или кто-то там думает о том, как он показал Высоцкого в своей картине. Тем более что это не исторический документ, а определенная эстетическая позиция, сделанная в стилистике советского анекдота... И не скажу, что я был как-то недоволен этим фильмом, я к нему спокойно отношусь.

Марина Влади

— Она была первой, кто написал книгу о Высоцком. Сейчас с ней практически никто не общается. Влади дружит только с переводчицей Юлей Абдуловой. У нас с Мариной есть общие дела, которые касаются книг и договоров, связанных с творческим наследием Высоцкого. Она от этого не уходит, а личных отношений у нас с ней, по большому счету, и не было никогда. Чуть-чуть мы сблизились, когда отца не стало, а потом жизнь свое взяла.

Меня ведь часто ехидно спрашивают о том, как мы с Влади ругались после выхода ее книги. Я никогда не вторгался в ее отношения с отцом, не смел их судить: «А, не мое дело их жизнь...» Я возражал и никогда не приму ее позицию относительно многих близких мне и отцу людей. Например, моего деда. В книге «Владимир, или Прерванный полет» много вещей, которые были, но не так и не тогда. Задачей Марины было открыть Высоцкого Западу, и она с ней справилась. А здесь она открыла шлюзы для желтой информации. Дело не в том, что мне не хотелось бы, чтобы люди узнали, что отец пил. В нашей стране пьет каждый второй, а Высоцкий один. Нужно писать не о том, чем он похож на остальных, а о том, чем отличается. Замените фамилию Высоцкий в воспоминаниях о нем на какою-нибудь Сосискина — и вы будете читать о скучном человеке с диким количеством пороков. Отцу это не навредило, вся грязь со временем отпадает, а песни остаются.

У меня никаких враждебных чувств к Марине нет, я вообще отходчивый человек. Она многое для отца сделала, действительно занималась его здоровьем, показала ему мир, познакомилась с эмиграцией, дала возможности всякие.

При жизни отца Марина Влади была известна как чуть ли не единственная жена Владимира Высоцкого. А моя мама была по сравнению с ней в тени. Но, во-первых, Влади — звезда мирового уровня, а не только российского. Во-вторых, она публичная фигура, а моя мама — нет. Про первую жену отца — Изу, которая жила и работала в провинции, вообще мало кто знал... А об отцовском романе с Мариной в то время только ленивый не говорил. Потому что это было удивительно и невероятно: французенка, звезда, популярная, всеми любимая...

Москва. Ваганьковское кладбище. 25 июля 2005 г.

Они, кстати, не раскручивали себя как семейную пару. Знаете, как сейчас люди появляются вместе на тусовках, фотографируются. Тогда в Советском Союзе этого просто не было. А мама, когда мы с братом Аркадием были маленькими, ушла из профессии. Она выбрала семью. И ни мне, и никому это не обидно. Сейчас Людмила Абрамова преподает в школе историю искусства и работает методистом у нас в музее, прекрасно проводит экскурсии... А жизнь отца и ее личные с ним отношения — разные вещи. И не говорить публично о жизни с Высоцким — ее право. Они разошлись в 68-м году, а официально оформили развод в 70-м. Марина — главный персонаж его жизни, он ее любил.

Родная кровь

— Мой старший брат Аркадий — сценарист, режиссер, преподает в институте. У него пятеро детей. Старшей дочери — 24, а младшей недавно исполнился год. Его третья жена работает в Москве референтом-переводчиком, двое детей от первого брака живут с матерью в Америке. Мой сын Семен от первого брака живет и учится в Киеве в университете на юридическом факультете. Второй сын — Даниил в будущем году заканчивает школу. Как и старшие дети Аркадия, мои сыновья знают и слушают Высоцкого. Их никто не насилует, не заставляет учить его наизусть, не говорит: «Вот ходи и гордись». Об актерской профессии никто из внуков Владимира Семеновича пока не думает. Посмотрим.

В свое время много говорили о детях Владимира Высоцкого, которые якобы рождались в разные времена и в разных городах. Журналисты раздували версии о том, что у нас с Аркадием есть сводные братья. Их, этих братьев, было много, они приходили, рассказывали, как их терли. Был даже такой, который требовал экстази тела отца. Газеты про это писали. Шли разговоры о существовании сводной сестры Настя, дочери актрисы Татьяны Иваненко... Не мое дело комментировать отношения отца с женщинами. К счастью, теперь время «детей лейтенанта Шмидта» прошло, хотя был период, когда их было слишком много.

Акции

— День памяти Высоцкого в этот год отмечается не просто на уровне слов и статей. А красивыми поступками людей, причем в провинции. 22 июля в Краснодаре открылся первый частный музей Высоцкого.

Его два года назад заложил ставший теперь моим другом Александр Зубов. Он сделал это, не будучи олигархом. А в Новосибирске 25-го был открыт народный памятник Владимиру Семеновичу. Его установил предприниматель Анатолий Олейников.

Поверьте, это событие для нашей семьи. И совсем не рядовое. Есть памятные доски, улицы, названные в честь Высоцкого, площади, даже парходы, а вот памятников, может, 4 или 5... Но все эти музеи и акции, памятники, мемориальные доски — это нужно не Высоцкому. Ему уже ничего не нужно, это касается только нас.

Ваганьково

— Я не люблю бывать на Ваганьковском кладбище. Стараюсь приехать туда или совсем ранним утром, или уже после закрытия. Просто потому, что люди зачастую начинают вести себя, на мой взгляд, странно. Могут запросто подойти и попросить у меня автограф. Они же не мои поклонники, правда? И вообще, на кладбище ведь ходят не автографы раздавать, а за чем-то совершенно другим. А то еще вдруг поклонники отца начинают громко петь или читать стихи... Одно время это меня здорово напрягало. Но я успокоил себя тем, что людей не переделаешь. И потом, так безтактно, конечно, не только поклонники Высоцкого себя ведут... Может быть, и я кому-нибудь порой наступаю на боковую мозоль?

Записала Евгения Ульяченко